

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

УДК 82.03:81

ПЕРЕВОД: ФРЕЙМ — ЕДИНИЦА МЫСЛИ И РЕЧИ*

Д.А. Гусаров

Военная кафедра

Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

Н.С. Гусарова

Кафедра английского языка № 3

Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

А.Л. Семенов

Кафедры иностранных языков

Факультет физико-математических и естественных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Основная идея статьи — концепция нового понимания единицы перевода в области устной и письменной переводческой деятельности. Осуществляется попытка определить единицу перевода в общем смысловом и лингвистическом смысле. Технология стереотипных итераций создает баланс речемыслительного процесса. В ситуации переводчика понятая порция информации может быть минимальным объектом перевода. Фрейм как лингвистическое явление одновременно соизмеряет оба аспекта речемыслительного процесса.

Ключевые слова: стереотип, культурно-речевой аспект, познавательная оценка.

При объективном рассмотрении вербальное общение — это опосредованный обмен образами сознания, который происходит с помощью чувственно воспринимаемых материальных объектов — знаков языковой системы. Роль знаков в общении вполне возможно усматривать в символизации образов. Целостное высказывание, следовательно, можно интерпретировать как символическое представление мысли о наблюдаемой или воображаемой ситуации действительности. При этом

* Рец. проф. З.В. Беркетова (Столичный институт иностр. языков); проф. Н.Н. Гавриленко (РУДН).

требующая реакции мысль охватывает не только фактическое символическое наполнение ситуации, но и переживания коммуниканта относительно видимого.

Исходя из того, что свойства человеческого сознания и механизмы мышления являются универсальными и не зависят от принадлежности индивида к какой-либо общности, в том числе лингвоэтнической, естественно предположить, что причины возникающих в коммуникации барьеров следует искать не в психике, а в коммуникативной практике — в способах использования знаков языка для символизации образов. В продолжение рассмотрения общих коммуникативных аспектов речевой передачи и восприятия мысли (см., например, [1. С. 59]) мы акцентируем соотношение языкового знака и образа.

Объективная действительность бесконечно многообразна. Человеческое сознание, создавая образ объективной ситуации, не охватывает всего этого многообразия, а останавливается лишь на нескольких признаках. Знаковая система языка обладает определенным набором средств символизации — достаточно обширным, но все равно ограниченным. Но для символизации каждого конкретного признака и каждой отдельно взятой ситуации их бы не хватило. В связи с этим мы считаем, что непосредственной символизации в высказывании подвергается не наблюдаемая ситуация, не ее образ и даже не отдельные его признаки, а целый класс ситуаций, известный обоим коммуникантам. При этом наблюдаемая ситуация дифференцируется по выделенным сознанием признакам.

При порождении высказывания происходит обобщение: индивидуальное, известное одному участнику коммуникации, через аппроксимацию с участием общечеловеческой базы знаний обобщается в общее, известное другим участникам коммуникации. Символизация известного знания конкретным способом и предъявление результата этой символизации (высказывания) заставляет собеседника подумать об этом известном, обратиться к общей базе знаний и сделать вывод о цели, с которой адресант символизирует известное, то есть создает информационное сообщение. Системность с элементами в виде лингвистической выразительной индивидуальности и общей базы знаний актуализировалась Ф. де Соссюром в виде тезиса: язык, прежде чем он навязывается индивиду, должен получить санкцию коллектива [2. С. 170]. Можно представить достаточно универсальную формулу: цель коммуникации — это достижение адресантом реакции адресата на базовое знание в конкретной коммуникативной ситуации.

Это обусловленное исходное положение заставляет обратиться к вопросу о существовании и организации информации в сознании, а также о его участии в создании высказывания. Ответы на эти вопросы мы попытались найти в лингвистическом продолжении теории фреймов, разработанной М. Минским.

Согласно данной теории, в памяти человека хранятся образы стереотипных ситуаций, называемые фреймами, к которым человек обращается при необходимости воспринять информацию и детали которых он изменяет, воспринимая новые сведения. Эти образы состоят из терминалов — сегментов, объединяющих в себе сведения об элементе данной стереотипной ситуации [3. С. 7].

Так, например, М. Минский в качестве примера замечает, что во фрейме сна есть терминал для задания характера сна. Вообще явление стереотипности коммуникативных ситуаций уже давно привлекает внимание ученых. В своих

фоновых исследованиях параллельных текстов в коммуникативных ситуациях с письменными переводами с одного языка на другой мы следуем плодотворной действующей Пермской лингвистической школе [4]. На объективную общность и стереотипность переводческих ситуаций с учетом специфики предметных областей и коммуникативных компетенций переводчика обращает внимание Н.Н. Гавриленко [5. С. 28].

Можно предположить, что при осуществлении общения отправитель высказывания ищет в своей памяти такой фрейм, который в наибольшей степени подходит для описания наблюдаемой/воображаемой ситуации, то есть такой, который является наиболее точной моделью данной внешней среды и соответствует целям коммуникации отправителя.

В обычном своем состоянии, то есть до обращения к ним, терминалы фрейма ничем не заполнены и представляют собой задания отсутствия [3. С. 8]. Как пишет М. Минский, терминалы и их задания отсутствия могут представлять цели и функции, а не только цвета, размеры и формы [3. С. 41].

Фрейм — это наиболее универсальная форма представления стереотипных ситуаций. Поэтому процедура заполнения терминалов после выбора фрейма представляется нам как сравнение конкретного образа наблюдаемого/воображаемого и общего, имеющегося в памяти. При этом сравнении происходит заполнение терминала фрейма — конкретизация имеющихся в нем общих данных путем выделения признаков в наблюдаемом/воображаемом объекте (объект описания), который соответствует маркеру соответствующего терминала (Ср.: «Терминал, с которым связан маркер «лицо женского рода»...).

По всей видимости, заполнение терминалов фрейма — это и есть его изменение в соответствии с конкретной ситуацией, описанное М. Минским [3. С. 7]. Естественно следует, что изменить детали устоявшегося (стереотипного) образа значит расширить его, добавить в него признак, позволяющий относить реальное событие к классу явлений, то есть классифицировать его как одно из явлений этого класса. Здесь наблюдается, судя по всему, следующий парадокс: конкретизация одного (терминала фрейма) является обобщением другого (объекта описания).

С другой стороны, ничего парадоксального в этой операции нет: логично предположить, что при заполнении терминала фрейма происходит одновременное указание как на признаки наблюдаемого объекта, так и на сам класс, в который объекты объединяются по этим признакам.

Такое двойное указание представляет собой механизм создания семантической среды для образования смысла: происходит своеобразное преобразование наблюдаемой действительности в образ, или модель, при которых объект описания (то, что наблюдает коммуникант, к чему обращено его внимание при создании высказывания) становится содержанием или наполнением терминала или терминалов, которые далее становятся объектами референции, обозначаемыми в высказывании речевыми знаками, — своего рода противоположностями заданиям отсутствия.

Логика нашего исследования подсказывает, что в речемыслительной деятельности сопрягаются три реальности: действительность, мышление, текст. Действительность существует независимо от процесса коммуникации как данность, кото-

рая, во-первых, задает условия общения, а, во-вторых, что в интересующем нас аспекте особенно важно, образована происходящими событиями, которые становятся объектом восприятия со стороны коммуниканта.

Объект восприятия оставляет в человеческом сознании след в виде образа. При этом сознание осуществляет типологию этого образа, в результате которой он по своим существенным признакам включается в класс образов однородных событий. Эта типология постоянно развивается, пополняясь новыми образцами событий, в результате чего совершенствуется и близится к недостижимому идеалу стереотипная ситуация, вбирающая в себя все существенные признаки однородных событий с выделением в них участников и отношений между ними, то есть фрейм.

Когда внимание обращено к событию не просто с целью его наблюдения или воспоминания о нем, а для привлечения к нему внимания собеседника, то наряду с типологией или без нее (если это уже типизированный образец) происходит подбор фрейма. Образующие фрейм терминалы и связи между ними накладываются сознанием на образ, в результате чего достигается его сегментирование на заполненные и незаполненные терминалы. Заполненные терминалы далее подвергаются обозначению с помощью знаков речи — референции.

М. Минский особо отмечает, что в языке и мышлении мы кратко выражаем или условно представляем сложные ситуации и целые эпизоды с помощью слов или символов [3. С. 54]. И действительно, речемыслительный процесс можно представить как переработку, препарирование, своеобразную сегментацию образа сознания. Это процесс, который в конечном итоге приводит к значительному упрощению образа — он становится настолько простым, что его можно символично обозначить знаками речи.

Мы исходим из того, что реальная действительность исключительно сложна и многообразна, а сознание избирательно и не может охватить действительность во всей ее полноте. Следовательно, образ проще действительности. Но проще — не значит простой. И именно фрейм, являясь стереотипом, призван преобразовать с помощью сети терминалов все еще сложный исходный образ наблюдаемого явления в пригодный для обозначения объект. Таким образом, речемыслительный процесс можно представить себе как отработку исходного образа (отпечатка воспринимаемого в сознании) в собственно мысль (предречевую мысль), обогащенную эмоцией и волей (для которых тоже есть соответствующие терминалы) и уже готовую к тому, чтобы стать объектом символизации/референции.

Следует отметить, что если на первых двух стадиях мы говорим об объектах — объект восприятия и его отражение (реальная ситуация и изначальный образ), то дальше психическая производная становится уже на столько упрощенной, что в ней удастся выделить единицы. Полагаем, что такие единицы можно назвать единицами речевой мысли, которые объединяют в себя единицу речи (знак или знаковое образование) и единицу обозначения, представляющую собой терминал или терминалы выбранного фрейма, вербализованные данной единицей речи. Мы вполне закономерно допускаем и отмечаем возможную множественность терминалов: одна единица речи может заполнять не только предметный терминал, но и терминалы, представляющие цели и функции. Кроме того, единицы речи

(речевые знаки), будучи элементами единицы речевой мысли, не совпадают в количественном отношении со знаками языка, поскольку последние при употреблении в речи не заполняют терминал, но структурируют единицы речи.

Единица речевой мысли, таким образом, интегрирует и противопоставляет в себе отрезок текстовой поверхности высказывания и терминалы стереотипной ситуации (фрейма). Соединенные в высказывании как в едином целом единицы речевой мысли образуют текст — поверхность (совокупность единицы речи) и содержание (совокупность заполненных и вербализованных терминалов фрейма), — который является средой для формулирования смысла.

Именно с этой точки зрения определяется качество высказывания как лингвоэтнического барьера в опосредованной разноязычной коммуникации. После производства высказывания оно уже существует независимо от коммуникантов. И свойство смысла оно может приобрести только в результате осмысления, то есть в тот момент, когда с ним как с материальным объектом соприкасается человеческое сознание. В отношении опосредованного разноязычного общения можно сказать, что текстовая среда исходного высказывания непригодна для зарождения смысла в сознании иноязычного собеседника — сама текстовая поверхность является для него непреодолимым препятствием вследствие неизвестности единиц речи.

Очевидно, что самым необходимым переводческим решением всегда является замена исходных единиц речи на другие, сконструированные с использованием известной получателю языковой системы. Очевидно также, что поскольку семантическое наполнение языковых единиц и коммуникативная практика носителей разных языков по их использованию в речи для обозначения одного и того же не совпадают, то ограничиться такой заменой переводчику удастся в исключительно редких случаях. Гораздо чаще переводчик вмешивается в более глубокие структуры высказывания, и преобразованиям подвергаются не только знаки, но и терминалы с фреймами. Переводчик воссоздает (создает заново) текстовую среду, в которой есть условия для возникновения у получателя перевода того смысла, который возникает, по замыслу отправителя, у получателя этого же высказывания в одноязычной коммуникации.

Важной чертой фрейма является то, что он складывается в сознании человека с опытом и практикой. В связи с этим мы полагаем, что в этом стереотипе создаются и сохраняются терминалы, соответствующие не только объективно-предметной стороне однородных образов, но и их эмоционально-оценочной и волевой сторонам. Кроме того, опыт и практика обязательно включают в себя коммуникацию. Поэтому мы считаем необходимым выделять в этом стереотипе не только признаков терминалы, но и связанные с ними речевые терминалы, включающие в себя образцы речевого поведения для вербализации соответствующих признаков терминалов.

Исходя из этого, даже замену текстовой поверхности высказывания мы рассматриваем как переводческую операцию по преобразованию фрейма, которое осуществляется, чтобы создать текстовую среду, соответствующую житейскому (в высказывании заполнено и вербализовано достаточное количество терминалов

для распознавания конечным получателем фрейма и представляемой им ситуации) и коммуникативному (вербализация происходит с учетом традиции употребления речевых знаков, свойственной соответствующей лингвоэтнической общности) опыту получателя перевода. Именно в этом преобразовании и заключается, по нашему мнению, сущность перевода как единственного способа преодоления лингвоэтнического барьера.

Таким образом, перевод, какие бы структуры исходного высказывания он не затрагивал, в любом случае связан с преобразованием фрейма — поверхностным или глубинным. Поэтому мы считаем возможным представить перевод как перефрейминг — (частичная) замена одного фрейма другим — и употреблять в отношении него этот термин (1).

Такое представление переводческого процесса позволяет говорить о высказывании как об объекте переводческой деятельности, а о фрейме — как о ее предмете. И если цель деятельности на уровне объекта — это создание переводного высказывания, обладающего свойствами инвариантности, эквивалентности и адекватности, то цель на уровне предмета — преобразование или замена фрейма, но в любом случае — изменение пути постижения смысла сказанного. Поскольку сам фрейм разложим на единицы — терминалы, заполненные и незаполненные, признаковые и знаковые, то и в переводе как в действии, как в поступке, или в созидательном акте, можно выделить свою единицу. За такую единицу мы считаем возможным принять единицу речевой мысли — заполненный терминал (или терминалы) выбранного фрейма вместе с соответствующим ему на текстовой поверхности высказывания единицей речи. Поскольку и знак, и терминал объединены во фрейме, который к тому же является иерархической структурой (терминал одного фрейма может быть фреймом более низкого порядка), то логично считать, что сам фрейм и является единицей перевода [6. С. 42]: переводчик имеет возможность вычленив из высказывания терминалы использованного фрейма и оценить возможность их заполнения и вербализации с учетом опыта конечного получателя.

Следует отметить, что в результате своей деятельности переводчик создает высказывание — пусть и переводное, а, следовательно, также пользуется фреймом, который, в отличие от фрейма, использованного автором оригинального текста, обобщает опыт представителей лингвоэтнического социума получателя перевода. Это позволяет говорить о том, что фрейм — это не только барьер, это еще и инструмент для преодоления барьера.

Наше понимание вопроса единиц языка и речи [7. С. 188—193], а следовательно, и единицы перевода даже в новых терминах полностью совпадает с традициями Женевской лингвистической школы, которые очень полно описаны В.Г. Кузнецовым с поддерживаемой нами аргументацией [7].

В заключение хотелось бы выразить уверенность в том, что построение фреймовой модели перевода позволит создать метод прогнозирования переводческих действий — заранее определить те отрезки текста, которые будут рассматриваться переводчиком в качестве предметов своей деятельности. Трансформационная модель перевода этой задачи не решает.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Мы хотим подчеркнуть отличие нашего термина *перифрейминг* от термина *рефрейминг*, принадлежащего нейролингвистическому программированию, поскольку содержательное наполнение как нашего термина, так и самой обсуждаемой здесь проблемы не имеют ничего общего с нейролингвистическим программированием.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Красина Е.А. Семантика и прагматика русских перформативных высказываний: дисс. ... докт. филол. наук. М., 1999.
[2] Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 1990.
[3] Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.
[4] Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7 / Отв. ред. М.П. Котурова. Пермь: Перм. ун-т, 2004.
[5] Гавриленко Н.Н. Теория и методика обучения переводу. М.: НТО им. С.И. Вавилова, 2009.
[6] Семенов А.Л. Теория перевода. М.: Академия, 2013.
[7] Кузнецов В.Г. Научное наследие Женевской лингвистической школы. М.: Знак, 2010.

TRANSLATION: FRAME AS A UNIT OF THOUGHT AND A UNIT OF COMMUNICATION

D.A. Gusarov

Military Department

Moscow State Institute (University) of International Relations
(MGIMO-University)

Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vernadskogo ave., 76, Moscow, Russia, 119454

N.S. Gusarova

English Language Department № 3

Moscow State Institute (University) of International Relations
(MGIMO-University)

Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vernadskogo ave., 76, Moscow, Russia, 119454

A.L. Semenov

Foreign Languages Department

Faculty of Physico-mathematical and Natural Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Makhlaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The peculiarity of this article is the new realizing of a unit of translation concept in the field of translating and interpreting activity. There is an attempt to answer the question: what is to be considered as a unit of translation in general and in the linguistic reason in particular? We introduce our views on the balance between a unit of a thought and a unit of translation when we use the technology of the stereotype interaction. For a translator a unit of a thought as a portion of realized information might be a unit for translation. So, we conclude: a frame of knowledge might be a unit of a thought and a unit of translation simultaneously and consequently.

Key words: stereotype, cultural perspective of communication, cognitive evaluation of information.

REFERENCES

- [1] *Krasina E.A.* Semantika i pragmatika russkikh performativnykh vyskazyvaniy: diss. ... dokt. filol. nauk. M., 1999.
- [2] *Saussure F. de.* Zametki po obschey lingvistike. M.: Progress, 1990.
- [3] *Minskiy M.* Freymy dlya predstavleniya znaniy. M.: Energeya, 1979.
- [4] Stereotipnost i tvorhestvo v tekste: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 7 / Otv. red. M.P. Koturova. Perm: Permskiy universitet, 2004.
- [5] *Gavrilenko N.N.* Teoriya i metodika obucheniya perevodu. M.: NTO im. S.I. Vavilova, 2009.
- [6] *Semenov A.L.* Teoriya perevoda. M.: Izdatelskiy tsentr "Akademiya", 2013.
- [7] *Kuznetsov V.G.* Nauchnoye nasledie Zhenevskoy linguisticheskoy shkoly. M.: Znak, 2010.